

са крестоносцев (христиан. – Е. М.) и сионистов». Джихад должен быть перенесен за пределы исламского мира на территорию врага¹.

Такова в общих чертах идеология исламского радикализма, практическая реализация положений которой сплошь и рядом принимает форму религиозного экстремизма, а нередко и терроризма как крайней формы последнего. Важно подчеркнуть, что эта идеология теснейшим образом связана с исламом как религией, хотя и далеко не тождественна ему. Мы никоим образом не призываем поставить знак равенства между мусульманами и экстремистами. Огромное большинство мусульман – это мирные, законопослушные люди, больше других страдающие от деятельности экстремистских группировок. Но не следует впадать в другую крайность и утверждать, что современный терроризм не имеет ни национальности, ни религии. Он обладает и тем, и другим, и пока мы не поймем этого, борьба с международным терроризмом (в том числе силовыми методами) обречена на провал.

Ложно понимаемая «политкорректность» не позволяет противостоять террористам на пропагандистско-идеологическом фронте, перехватить у них инициативу в воздействии на общественное сознание рядовых мусульман. Такого рода воздействие может и должно осуществляться прежде всего в духовном пространстве, очерченном религией – ибо такова особенность исламской цивилизации. Уважать ее специфику – это и значит проявлять подлинную политкорректность. Невозможно эффективное противодействие религиозному экстремизму и без глубокого знания тех идей, которыми руководствуются его сторонники. Мы надеемся, что данная статья в какой-то мере будет способствовать достижению указанной цели.

М. Р. МОСКАЛЕНКО

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории науки и техники Уральского федерального университета

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

Религиозный экстремизм – широкое и многоаспектное явление, основой которого является активное распространение религиозных ценностей и придание им статуса абсолютного знания и истины. Можно выделить несколько проявлений религиозного экстремизма. Например, обоснование исключительности какой-либо религиозной конфессии или общности, признание только за ними права на существование и контроль над умами. В этом плане можно говорить, например, о христианском экстремизме Средневековья и Нового времени, когда христианская церковь выступала организатором крестовых походов, гонений на инакомыслящих (особенно в этом преуспел, в частности, Ж. Кальвин) и насильственного охристианивания колониальных

¹ См.: Ражбадинов М. З. Указ. соч. С. 89.

народов, об исламском экстремизме, экстремизме некоторых современных религиозных сект. Другой аспект религиозного экстремизма – это нападки на науку, признание за религиозным знанием статуса большего авторитета и истинности, чем за научным знанием, осуждение некоторых научных исследований и противодействие им. Именно этот аспект и будет рассмотрен в данной работе.

Само противостояние между наукой и религией начинается в Средневековье и усиливается в Новое время. В античной философии науки одним из основных критериев истинности знания было то, что данное знание получено согласно правильным законам мышления. Сейчас появляется новый критерий – нужно удостовериться, что знание соответствует природе, и поэтому его нужно экспериментально подтвердить. Естественно, что данное положение противоречило религиозной картине мира: христианский девиз «Верую, потому что нелепо» (Августин Блаженный) приходил в явное противоречие с идеалом экспериментального подтверждения как обоснованности любого знания. После длительного периода противостояния научная картина мира потеснила религиозную, и в XIX в. стало казаться, что религия как способ познания мира уйдет в прошлое, а впереди нас ждет век «разума, прогресса, торжества науки».

В классической научной картине мира была по-новому поставлена проблема пути познания мира и его преобразования человеком. Религия и суеверия стали рассматриваться как тормоз, сдерживающий движение к познанию. Поэтому в нескольких крупных цивилизационных проектах общества нового типа – Великой Французской революции, социалистического (СССР, Китай и др.), страны догоняющей модели развития провозглашали радикальный разрыв с религиозной традицией, чтобы быстрее «осовремениться» и догнать соседей. Великая Французская революция стала ответом Франции на «вызов» ушедшей вперед Англии (напомним, что одним из факторов социального взрыва во Франции стало то, что английские товары вытесняли с внутреннего рынка «отечественного производителя», в результате чего росла безработица и нужда). Про цивилизационные проекты «Советская Россия» и «Социализм с китайской спецификой» и говорить нечего – и той, и другой стране угрожала колониальная зависимость, и проект модернизационного рывка («догнать и перегнать») был необходим им для самосохранения. Соответственно, данные проекты нацеливались на привнесение в массы культуры научного познания, «осовременивания», и поэтому столь ярко и непримиримо они боролись с религиозностью.

Естественно, были философы консервативного направления, которые предупреждали, что безрелигиозное будущее человечества может быть мрачным, и рисовали апокалиптические сценарии. Например, русский мыслитель К. Н. Леонтьев полагал, что кризис Православия и распространение демократии ведут к усилению государства и установлению новых, еще более жесто-

ких, форм неравенства и нового «сознательного поклонения деспотизму»¹. Это может привести к тирании: «Каковы бы ни были эти новые данные еще формы в подробностях, но верно одно: либеральны они не будут... эта новая культура будет очень тяжела для многих...»². Поэт и философ Серебряного века Д. С. Мережковский с тревогой писал, что вместо высоконравственного «Богочеловека» на историческую арену придет демонический «Человекобог». Были и другие мрачные пророчества. Но общее направление прогнозов развития науки и отказа от религии было радужным и оптимистичным.

Отказ от религиозной морали позволил проводить научные опыты в ряде сфер, которые были бы осуждены традиционным консервативным религиозным сознанием.

В СССР в 1920-е гг. проводились опыты по получению «новогибридного человека» путем скрещивания людей с человекообразными обезьянами под руководством И. И. Иванова, известного биолога-селекционера. Для этого была организована экспедиция в Африку. В печати встречаются противоречивые данные об успешности африканских опытов. В одном из писем И. И. Иванов отмечал, что «гибридный человек, который соответствует антроподам, с рождения растет быстрее, нежели обычный, к трем-четырем годам набирает невероятную силу, гораздо менее чувствителен к боли, неразборчив в пище, из всех забав предпочитает половые наслаждения. Важнейшее его преимущество перед живыми существами, включая человека, простота в управлении и безукоризненное послушание. Возможности использования безграничны – от работы в сырых забоях до солдатской службы»³. Не совсем понятно, что это – предположения профессора или в Африке он все же создал подобного гибрида? Известно, что самцы-гориллы иногда похищают африканских женщин и используют их вместо своих самок. Затем опыты были продолжены в СССР, но в начале 1930-х гг. признаны неудачными, а И. И. Иванов был репрессирован.

Для темы нашего исследования представляет интерес, что И. И. Иванов отмечал большое влияние религиозных моральных установок на отношение к подобным научным опытам: «Серьезным тормозом для постановки этой экспериментальной работы являлись также предрассудки религиозного и морального характера. В дореволюционной России было совершенно невозможно не только что-либо сделать, но и писать в этом направлении... Только в самые последние годы наметилась возможность поставить наши опыты без особо значительных затрат и без опасений встретить запрет со стороны церкви»⁴.

Подобные опыты, которые в духе классической науки хотя и ставили человека на место «царя природы», воспринимали его не более чем биологиче-

¹ Леонтьев К. Н. Поздняя осень России. М., 2000. С. 45.

² Леонтьев К. Н. Собрание сочинений. Т. 7: Восток, Россия и славянство. СПб., 1913. С. 187.

³ Хотенов А. Невероятные опыты по скрещиванию человека с обезьяной [Электронный ресурс]. URL: <http://anomaly.ru/article/20451/477>

⁴ Хотенов А. Указ. соч.

ский вид «хомо сапиенс» и стирали принципиальное различие между ним и животным. Возможность данных экспериментов обсуждались в научной общественности в начале XX в. Широко известен рассказ Герберта Уэллса «Остров доктора Моро», в котором как раз производились подобные опыты – из животных хирургическим путем получали человека. Там все закончилось печально – новоявленный Франкенштейн вырвался из-под контроля и растерзал экспериментаторов.

Но наибольшую известность приобрели опыты над людьми в нацистской Германии, поражающие своей бесчеловечностью.

Особенно известен главный врач концлагеря Освенцима Йозеф Менгеле, которого заключенные прозвали «Ангел Смерти» и «Доктор Смерть». Менгеле проводил опыты по повышению плодovitости арийских женщин, ограничению рождаемости у евреев, цыган и славян. Изучались воздействие холода на организм солдата (гипотермия) и влияние большой высоты на работоспособность пилота (при сверхнизком давлении человека просто разрывало). Близнецам переливали кровь и пересаживали органы друг от друга. Сестер заставляли рожать детей от братьев; проводились операции по принудительной смене пола. Делались хирургические операции по сращиванию тканей и органов собак с человеческим телом. Среди его экспериментов были попытки изменить цвет глаз ребёнка впрыскиванием различных химикатов в глаза, ампутация органов, попытки сшить вместе близнецов, кастрация, стерилизация рентгеновскими лучами и другие подобные эксперименты. Заключенных концлагеря намеренно заражали различными заболеваниями, чтобы проверять на них эффективность новых лекарств¹. Эти эксперименты привели к мучительной смерти десятков тысяч людей.

Культура и идеология Третьего Рейха, причудливо собрав в себя культ воинской силы древнескандинавских мифов, рыцарские идеалы средневековья, «расовый миф» XIX в. и ницшеанский образ «сверхчеловека», во многом была лишена гуманистического начала, порожденного европейской цивилизацией. Для идеологов нацизма большинство наций были недочеловеки, соответственно, не заслуживали права на жизнь и должны были освободить «жизненное пространство» для потомков Зигфрида. Но и «истинные арийцы» находились под угрозой искусственной смерти – принудительной эвтаназии.

В Третьем Рейхе «достойная смерть» сначала рассматривалась как привилегия для неизлечимо больных арийцев, желающих без страданий уйти из жизни. Но в октябре 1939 г. А. Гитлер подписал секретный указ, согласно которому эвтаназии следовало подвергать все организмы, недостойные жизни: деформированных младенцев, сумасшедших, сенильных стариков, неизлечимых сифилитиков и так далее. Специальная врачебная «тройка» решала вопрос в каждом конкретном случае. Государство создало шесть эвтаназий-

¹См., напр: Айболит из Освенцима [Электронный ресурс]. URL: <http://votrube.ru/14139-ajbolit-iz-osvencima.html#>; Менгеле, Йозеф [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>; и др.

ных центров. Применялись инъекции и прекращение кормления, а также новое, многообещающее изобретение – бани, где вместо воды из душа шел отравляющий газ. Родственникам умерщвленных сообщали, что смерть произошла в результате естественных причин. В 1941 г. епископ Клеменс фон Гален произнес в Мюнстере знаменитую проповедь, в которой назвал нацистскую эвтаназийную программу «чистейшим убийством» и призвал католиков «освободиться от нацистского влияния, дабы не оскверниться их образом мыслей и безбожным поведением». Фюрер не тронул мужественного епископа и программу закрыл – в это время уже существовали лагеря смерти, поэтому потребность в «эвтаназийных центрах» все равно отпала¹. Нюрнбергский военный трибунал осудил принудительную эвтаназию как преступление против человечества.

В XX в. цивилизация, основанная на безграничной вере в науку и технический прогресс, столкнулась с рядом вызовов. Глобальные проблемы современности, кризис сциентизма (безграничной веры в возможности науки), нарастающие социальные противоречия в современном мире, переосмысление основных проблем бытия в культуре постмодерна – все это поставило под сомнение ценность научного познания. Кроме того, наблюдается кризис в самих естественных науках, прежде всего, в теоретической физике, связанный с тем, что некоторые научные проблемы не решены, а теории противостоят друг другу.

Во взаимоотношениях науки и религии возникла специфическая ситуация.

1. Благодаря достижениям науки человечество создало такое оружие, которое может уничтожить всю планету. Возникает риторический вопрос: а надежны ли моральные ограничители, удерживающие от применения данного оружия? Какое обоснование имеют эти ограничители – атеистическое или религиозное? Думается, что религиозные мотивы являются заметной, а то и ведущей смыслообразующей конструкцией современного гуманистического сознания и моральных ограничений.

2. В XX в. стали проводиться вышеописанные чудовищные опыты над людьми – доктора Менгеле в нацистской Германии, И. И. Иванова в СССР и др. В СМИ мелькают сообщения о подобных опытах, проводимых спецслужбами США и ряда крупных держав. Генетика и селекция научились вмешиваться в биологическую природу хомо сапиес. Возникает вопрос: как к этому относиться? Таких ситуаций в истории не было. За спасительным этическим рецептом человек чаще всего обращается к религии, а потом уже синтезирует современный опыт и религиозную мораль.

3. Остро почувствовалось отчуждение человека от смыслообразующих жизненных ценностей, что нашло отражение в возрастающем числе самоубийств среди жителей развитых стран, наркомании, асоциальных формах поведения.

¹ Чхартшвили Г. Ш. Писатель и самоубийство. М., 2001. С. 45.

4. XX и начавшийся XXI вв. показывают невиданную ранее дегуманизацию искусства и культуры. Экраны и страницы современных СМИ заполнены либо бессмысленными рекламными слоганами (прямо призывающими к потреблению и оболванивающим сознание человека), либо сюжетами с обилием насилия и агрессии. Глядя на экран телевизора, где в очередной, сотый раз за вечер раздаются крики и выстрелы, задаешься вопросом: это и есть триумф прогресса? Разве в таком мире «светлого завтра» и «прекрасного далека» мечтали жить наши отцы и деды? Как я должен осмысливать эту реальность и как ее оценивать, чтобы сохранить хоть какую-то целостность сознания?

И вновь оказалась востребована такая функция религии, как установление моральных ограничений и смыслообразующих ценностных норм.

Стоит отметить, что церковь достаточно скептически, а часто и враждебно относится к нововведениям, науке и техническому прогрессу. Как отмечает известный прогнозист И. В. Бестужев-Лада, сама специфика традиционного сознания связана с историческим опытом человечества, каковой недвусмысленно свидетельствует: на всем протяжении истории человеческого общества, с древнейших времен до наших дней, на сто или даже тысячу идей, сулящих разные блага в случае реализации соответствующих нововведений, обычно лишь одна оказывается действительно конструктивной, да и то не так, как представлялось ее первоначальному генератору, а так, как это объективно реализовалось впоследствии, зачастую очень непохоже, порой прямо противоположно замыслу инициатора. Что касается остальных, то они в действительности оказываются либо пустоцветными, нереальными, либо, что еще хуже – социально опасными, вредными, губительными, теми самыми благими намерениями, которые, как известно, ведут в ад¹.

Но истории известны примеры, когда осуждались и те нововведения, которые затем широко распространились и преобразовали наш быт.

Можно привести несколько фактов. Например, железные дороги вызвали когда-то неприязнь высших иерархов Русской православной церкви. В XIX в. митрополит Московский Филарет пытался противодействовать постройке в России железных дорог, утверждая, что они наносят ущерб религиозному рвению богомольцев: пешее хождение к «святым местам» гораздо полезнее для спасения души верующего. В 1898 г. религиозные фанатики сожгли на Нижегородской ярмарке один из первых в России кинематографов, объявив его «творением дьявола». Протесты духовенства вызвал проект сооружения в Москве метро, рассматривавшийся городской Думой еще в начале XX в.: духовенство заявляло, что оказавшись под землей, в «преисподней», пассажиры могут попасть в царство сатаны и погубить свои души.

Как отмечалось выше, тенденция скептического отношения к научно-техническим проектам характерна не только для религиозного, но и для консервативного сознания в целом. Широко известен такой пример: когда один

¹ См.: Бестужев-Лада И. В. Социальное прогнозирование: курс лекций. М., 2002. С. 60.

из первых автомобилей в конце XIX в. наехал на пешехода, то даже во вполне светских газетах это вызвало массу негативных отзывов. В одной из них предлагалось, что перед каждым автомобилем должен бежать пешеход и предупреждать о нем. Или проекты танков, которые в начале XX вв. посылались изобретателями в генштабы различных армий мира, но отклонялись военными со скептическими улыбками?

Другой вопрос: насколько далеко может зайти неприятие научно-технических новаций? Одно дело – взвешенное, хотя порой ироническое отношение, совершенно другое – яркая враждебность и борьба.

В современном мире религиозные деятели, как правило, не противопоставляют религию и науку. Так, деятели католической церкви ныне заявляют, что преследования ученых инквизицией были трагической ошибкой. Русская православная церковь ставит себе в заслугу, что она в свое время в меньшей степени, чем католическая инквизиция, преследовала ученых.

При Московском Патриархате создан Церковно-общественный совет по биомедицинской этике, который озвучивает официальную позицию церкви относительно каких-либо экспериментов и исследований в медицине. И его оценки некоторых исследований достаточно любопытны.

Так, на официальном сайте Церковно-общественного совета активно обсуждаются новейшие биомедицинские технологии: клонирование, фетальная терапия, трансплантация органов и тканей без согласия человека и т. п. В одной из программных статей Церковно-общественного совета по биомедицинской этике отмечается, что богословское осмысление проблемы взаимоотношений между религией и наукой дает нам выверенное и красивое решение: наука – это всего лишь малая часть человеческих знаний о мире и о себе, человеке, промыслительно открываемая Богом для спасения человека. Научные данные любой области исследований – это подарок, дар Бога человечеству¹. Для современной медицины основная цель – сохранение здоровья и улучшение качества жизни. Для Святого Православия это является всего лишь одним из средств в Богом данном арсенале путей спасения. «Бережное отношение к здоровью и жизни человека – вот общая платформа взаимодействия и взаимопонимания медицины и Церкви в современном мире»². Авторы этой статьи отрицательно относятся к идее получения эмбриональных стволовых клеток (ЭСК) от эмбрионов и плодов человека в медицинских целях. Напомним, что данное направление исследований считается одним из самых перспективных в современной медицине, и здесь возможен качественный прорыв: резкое увеличение продолжительности жизни человека и устойчивости организма к различным болезням. По мнению представителей Церковно-общественного совета, метод получения ЭСК от эмбрионов и плодов

¹ Клеточная и тканевая терапия. Медицинская и православная оценка Церковно-общественного совета по биомедицинской этике. URL: http://bioethics.orthodoxy.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=151&Itemid=1

² Там же.

человека не может быть этически оправданным, т. к. при этом разрушается эмбрион. А разрушение человеческой жизни даже во имя прогресса медицины должно быть запрещено.

С одной стороны, данная оценка гуманистична. Особенно в России и странах «третьего мира», где существует нелегальная торговля человеческими органами. Расцвет терапии, основанной на ЭСК от эмбрионов и плодов человека, приведет к усилению социального неравенства: бедное население станет «живым кормом» для продления жизни высших слоев населения. Марксистские лозунги о правящих классах как «кровопийцах трудящихся» приобретут в XXI в. буквальный смысл! Это не снилось даже Джорджу Оруэллу и Евгению Замiatину! И оценка Русской Православной Церковью (РПЦ) этого явления как «каннибализма»¹ вполне оправдана.

С другой стороны, медицина в большинстве культур и цивилизаций не обходилась без искусственного прерывания нежелательных беременностей. В традиционных обществах этим занимались всевозможные знахари, повивальные бабки и врачеватели, в индустриальных – официальная медицина. И в этом плане, если женщина по каким-либо причинам не желает родить ребенка, то совершенно логично использовать его в медицинских целях. Но является ли общество достаточно нравственно зрелым, чтобы избежать массового злоупотребления? Очевидно, что российское общество – нет.

Один из возникающих вопросов – что даст на практике морально позитивная или негативная оценка РПЦ какого-либо направления медицинских исследований. Совершенно очевидно, что большинство из данных моральных норм могут служить лишь благим пожеланием и иметь рекомендательный характер; применение их в принудительном порядке способно возродить к жизни мрачные времена инквизиции и Жана Кальвина. Часто наряду со здоровой и взвешенной оценкой ряда положений современных исследований встречаются также оценки косные, ненаучные и явно архаичные, не соответствующие современной реальности.

В этом плане, например, любопытным документом является «Заявление по поводу демографической ситуации в Российской Федерации» Церковно-общественного совета по биомедицинской этике от 2 апреля 2001 г.²

Характеризуя демографическую ситуацию в России как катастрофическую, авторы делают ряд предложений (выделены курсивом).

Первое, что предлагают авторы документа:

1. Создать при Президенте Российской Федерации Совет по демографической политике с участием в нем представителей Русской Православной Церкви.

Будет создан еще один бюрократический орган? Что он может сделать, если не выполняются программы гораздо более значимых органов государст-

¹ http://bioethics.orthodoxy.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=151&Itemid=1

² <http://rusk.ru/st.php?idar=6066>

венной власти? Например, один из так называемых «национальных проектов» – доступное жилье молодым семьям – остался на бумаге и стыдливо замалчивается властями. А ведь этот проект прямо был направлен на улучшение демографической ситуации.

Достаточно здравыми является следующее предложение:

3. Предоставить Русской Православной Церкви возможность проведения через государственные СМИ целенаправленной информационной политики в защиту традиционных ценностей семьи и брака, морали и нравственности.

Недавно кто-то из социологов подметил, что позитивный образ крепкой семьи содержится только на рекламе зубной пасты – из кинематографа, литературы, искусства он исчез!

Но есть явно противоречивые положения:

4. Законодательно закрепить недопустимость государственного финансирования абортов, производства и распространения средств по контролю над рождаемостью (контрацептивов).

Реализация данных положений на практике способна привести к ситуации 1950-60-х гг., когда из-за запрета абортов было налажено их массовое подпольное производство, и множество женщин от этого пострадали и даже погибли. А дефицит средств контрацепции как раз и приведет к росту числа нежелательных беременностей и подпольных абортов. Российская медицина, и без того самая коррумпированная в мире (нелегально покупается все, от «бесплатной» операции до больничного листа, а объем «теневых» доходов некоторых врачей в несколько раз превышает их официальную зарплату), естественно, быстро возродит эту подпольную систему. В конечном итоге в серьезном проигрыше окажутся «самые красивые в мире русские женщины».

7. Запретить производство и распространение порнографии.

Во многих государствах, где в разное время был или есть данный запрет, существует подпольная порноиндустрия, а теневые дельцы получают сверхприбыль.

10. Поручить компетентным органам расследование деятельности иностранных организаций, активных в области демографической политики.

Шпиономания 1930-х гг.! Следуя этой логике, аресты надо начинать с российских чиновников, которые не могут построить достаточное количество детских садов, при этом новые церкви даже в самых захудалых городках строятся с поразительной быстротой!

Напомним, что депопуляция населения, малая рождаемость и переход к 1–2-детной, а то и вовсе бездетной семье характерны для большинства стран христианской цивилизации постиндустриального периода развития и обусловлены объективными социальными и культурными предпосылками.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

1. Современная наука нуждается в морально-этической оценке своих действий. Полет мысли ученого, как правило, слишком радикален и революционен, направлен на научный прорыв, и исследователь часто не задумывается

над последствиями опытов. В этом плане перед любым крупным ученым-новатором всегда стоит «призрак Франкенштейна».

2. Не всегда легко дать однозначную моральную оценку тех или иных научных достижений, поэтому необходимо, чтобы общество относилось к ним с осторожностью, соблюдая главный принцип «не навреди».

3. Современная цивилизация имеет несколько достаточно порочных принципов развития, которым часто служит наука: «культ потребления», «гонка вооружений» и ряд других. В этом плане религиозные осуждения научных экспериментов можно трактовать и как призывы изменить духовные основы нашей цивилизации.

4. Очень часто возможности науки опережают моральную зрелость человеческих обществ.

5. Религия в оценке достижений науки и их последствий неизбежно консервативна, и не всегда данный консерватизм является здоровым.

6. Религиозные морально-этические соображения относительно научных экспериментов и изобретений можно использовать в рекомендательных целях.

Я. А. ПЕРМЯКОВА

курсант Челябинского юридического института МВД России

АГРЕССИВНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ОФИЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНКЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

После развала СССР одним из ярких примеров межнациональной розни является военный конфликт между Азербайджаном и Арменией, унесший жизни многих представителей двух стран. Данный конфликт до сих пор тлеет в сердцах ранее дружественных народов. Причиной войны является спор из-за территории Нагорного Карабаха. Первая война Грузии с Южной Осетией и Абхазией 1992 г. оставила неизбывную горечь у всех народов, участвовавших в конфликте. Впоследствии данный конфликт проявился в так называемой пятидневной войне с 8 по 13 августа 2008 г., когда грузинские войска вероломно проникли на территорию Южной Осетии. Всё это можно назвать одним словом – «агрессия».

Чувство национальной избранности, превосходства присуще многим людям разных наций. Многократно осуждённое передовыми мыслителями и общественными деятелями, оно, тем не менее, по-прежнему продолжает определять мысли и поступки многих людей, причём не только простых обывателей, но и политиков. А значит, противодействовать распространению и преступной реализации подобных настроений приходится сейчас и придётся в будущем. Эта борьба должна вестись комплексно, с использованием разных средств и способов.

Обращает на себя внимание и то, что часто по разные стороны баррикад оказываются люди одной религии. Так, в грузино-югоосетинском конфликте